

А. И. Коробеев*,
А. И. Чучаев**

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ОПЬЯНЕНИЯ ПРИЗНАНО НЕКОНСТИТУЦИОННЫМ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы конституционности примечания 2 к ст. 264 УК РФ, которые по инициативе президиума Ивановского областного суда стали предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ, пришедшим к выводу о том, что легальное определение состояния опьянения не соответствует Конституции РФ, нарушает ряд принципов уголовного права. Авторами показаны правовые позиции указанных судов, приведены научные заключения, подготовленные ими по запросу соответствующих должностных лиц. Оттолкнувшись от данного частного случая, авторы сделали попытку показать состояние российского уголовного законодательства, характеризующееся нарушением его системности (как внутренней, так и внешней), обусловленным в том числе непоследовательной уголовной политикой в области противодействия преступности вообще и транспортной преступности в частности, неудовлетворительной законодательной техникой.

В связи с признанием определения опьянения, сформулированного в примечании 2 к ст. 264 УК РФ, неконституционным, авторы предлагают законодательные решения, направленные на установление и учет данного обстоятельства как в УК РФ, так и в правоприменительной практике.

Ключевые слова: уголовный закон, транспортное преступление, состояние опьянения, легальное определение, примечание к ст. 264 УК РФ, позиции Ивановского суда, неконституционность примечания, причины, системность законодательства, совершенствование.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.140.7.135-157

СУДЕБНЫЙ ПАРАДОКС: БЫЛ ПЬЯН, НО ТАКОВЫМ ПРИЗНАТЬ НЕЛЬЗЯ

Приговором Фрунзенского районного суда г. Иваново 24 декабря 2016 г. Ж. осужден по ч. 6 ст. 264 УК РФ (в ред. Федерального закона

от 7 декабря 2011 г.) к 8 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима с лишением права управлять транспортным средством сроком на два года. Он признан виновным в нарушении правил дорожного движения, совершенном лицом, управляю-

© Коробеев А. И., Чучаев А. И., 2018

* Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ

akorobeev@rambler.ru

690091, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8

** Чучаев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

moksha1@rambler.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

щим транспортным средством в состоянии опьянения.

Как установлено судом первой инстанции, 22 марта 2015 г. (около 6 часов утра) Ж. в нарушение п. 2.1.2, 2.7 и 22.8 Правил дорожного движения РФ (далее — ПДД РФ) управлял автомобилем BMW в состоянии алкогольного опьянения. В салоне автомобиля находились, кроме самого водителя, 5 человек, все они не были пристегнуты ремнями безопасности. Двигаясь по ул. Московской г. Иваново, при повороте налево Ж. нарушил требования п. 1.5, 10.1 и 10.2 ПДД РФ, не справился с управлением, выехал на тротуар, допустил «занос» автомобиля, наезд на снежный вал и опрокидывание транспортного средства. Выпавшие из кабины пассажиры М. и Г. получили телесные повреждения, от которых скончались.

Ж. скрылся с места дорожно-транспортного происшествия, в ходе предварительного расследования объявлялся в розыск, явился к следователю лишь 16 марта 2016 г. (спустя год после совершения преступления). К этому времени возможность установления состояния опьянения путем проведения медицинского освидетельствования или соответствующей экспертизы была утрачена. Вывод о нахождении виновного в состоянии опьянения в момент управления транспортным средством в результате употребления спиртного в ночь с 21 на 22 марта 2015 г. в ресторане и ночном клубе сделан судом на основании других имеющих в деле доказательств: собственных показаний Ж., показаний свидетелей, потерпевших К., М-ва, М-вой, кассового чека на приобретение 2 бутылок водки, видеозаписи из ночного клуба «Рокко», на которой видно, как по пути к машине и за рулем Ж. пьет из бутылки шампанское, и др.

Апелляционным постановлением Ивановского областного суда от 30 января 2017 г. приговор в отношении Ж. оставлен без изменения, апелляционные жалобы осужденного и его адвоката, в которых оспаривались квалификация содеянного по ч. 6 ст. 264 УК РФ и размер назначенного наказания, — без удовлетворения. Постановлением судьи Ивановского областного суда от 4 мая 2017 г. отказано в передаче кассационной жалобы адвоката на приговор Фрунзенского районного суда и апелляционное постановление Ивановского областного суда для рассмотрения в судебном заседании кассационной инстанции. Постановлением судьи Верховного Суда РФ от 28 сентября 2017 г.

аналогичная по содержанию кассационная жалоба адвоката о пересмотре состоявшихся в отношении Ж. судебных решений передана на рассмотрение в судебном заседании президиума Ивановского областного суда. Постановлением президиума Ивановского областного суда от 17 ноября 2017 г. производство по уголовному делу в суде кассационной инстанции приостановлено в связи с обращением в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности положений примечания 2 к ст. 264 УК РФ.

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ ПРЕЗИДИУМА ИВАНОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА

В соответствии с примечанием 2 к ст. 264 УК РФ для целей данной статьи и ст. 264.1 УК РФ находящимся в состоянии опьянения признается лицо, управляющее транспортным средством, в случае установления факта употребления им вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Опровергая доводы апелляционных жалоб о невозможности установления факта нахождения осужденного Ж. в состоянии алкогольного опьянения иначе, как путем проведения медицинского освидетельствования или судебной экспертизы, суд апелляционной инстанции в постановлении указал: «В силу п. 2.6 Правил дорожного движения РФ, если в дорожно-транспортном происшествии погибли или ранены люди, водитель, причастный к нему, обязан ожидать сотрудников полиции. Исходя из данного нормативного предписания действия Ж., который, как следует из показаний допрошенных свидетелей, будучи в состоянии алкогольного опьянения, скрылся с места дорож-

но-транспортного происшествия до прибытия сотрудников полиции и продолжал скрываться в дальнейшем, по своей сути равнозначны отказу от прохождения медицинского освидетельствования».

Судья Верховного Суда РФ, считая заслуживающими внимания доводы адвоката о неправомерном признании судом Ж. виновным в нарушении правил дорожного движения в состоянии опьянения, в постановлении указал: «По смыслу закона водитель, скрывшийся с места происшествия, может быть признан совершившим преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, в состоянии опьянения, если после его задержания к моменту проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения или судебной экспертизы не утрачена возможность установить факт нахождения его в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством».

Из представленных документов усматривается, что после дорожно-транспортного происшествия Ж. с места происшествия скрылся, медицинское освидетельствование на определение состояния опьянения в отношении него проведено не было, после его задержания возможность установления факта нахождения его в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством была уже утрачена.

На основании положений ст. 10 УК РФ действие п. 2 примечания к ст. 264 УК РФ распространяется и на преступления, совершенные до вступления его в законную силу, поэтому оно подлежит применению и по этому уголовному делу».

Толкование судьей Верховного Суда РФ положений примечания 2 к ст. 264 УК РФ согласуется с правовой позицией Пленума Верховного Суда РФ, изложенной в п. 10.2 постановления от 9 декабря 2008 г. № 25 (в ред. от 24 мая 2016 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»: «...водитель, не выполнивший законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (пункт 2.3.2 Правил), признается в соответствии с пунктом 2 примечаний к статье 264 УК РФ лицом, находящимся в состоянии опьянения, если направление на медицинское освидетельствование осуществлялось в соответствии с правилами, утвержденными

Правительством Российской Федерации, и отказ от медицинского освидетельствования (от любого предусмотренного вида исследования в рамках проводимого освидетельствования) зафиксирован должностным лицом, которому предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью движения и эксплуатации транспорта, в протоколе о направлении на медицинское освидетельствование либо уполномоченным медицинским работником в акте медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Водитель, скрывшийся с места происшествия, может быть признан совершившим преступление, предусмотренное статьей 264 или 264.1 УК РФ, в состоянии опьянения, если после его задержания к моменту проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения или судебной экспертизы не утрачена возможность установить факт нахождения лица в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством. В случае отказа от прохождения медицинского освидетельствования данное лицо признается управлявшим транспортным средством в состоянии опьянения».

При рассмотрении в кассационном порядке уголовного дела в отношении Ж. президиум Ивановского областного суда пришел к выводу о несоответствии примечания 2 к ст. 264 УК РФ Конституции РФ в той мере, в какой эти положения по смыслу, придаваемому им формируемой правоприменительной практикой, препятствуют привлечению к уголовной ответственности по ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения и скрывшихся с места ДТП до прибытия должностного лица, которому предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью движения и эксплуатации транспорта, с целью избежать обязательного в таких случаях медицинского освидетельствования.

Положения примечания 2 к ст. 264 УК РФ, по сути, стимулируют лиц, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения и виновных в совершении ДТП, в котором погибли или ранены люди, скрываться с места происшествия до прибытия уполномоченного должностного лица, чтобы избежать направления на медицинское обследование, а в дальнейшем понести ответственность по менее суровому уголовному закону.

Исходя из приведенной трактовки рассматриваемого примечания суд, располагающий

иными доказательствами, свидетельствующими о нахождении лица в состоянии опьянения на момент совершения преступления, не только вынужден квалифицировать содеянное по более мягкой уголовно-правовой норме, но и лишен возможности признать данное обстоятельствоотягчающим наказание виновного.

Из принципов правового государства, справедливости и равенства всех перед законом и судом (ст. 1, 18 и 19 Конституции РФ) вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе правового регулирования. Не согласующиеся друг с другом правовые нормы порождают противоречивую правоприменительную практику, ослабляют гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПРИМЕЧАНИЯ 2 К СТ. 264 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Диспозиция ст. 264 УК РФ, равно как и примечания к ней, носит бланкетный характер.

Действующая редакция примечания 2 к ст. 264 УК РФ устанавливает, что для целей данной статьи и статьи 264.1 УК РФ лицом, находящимся в состоянии опьянения, признается лицо, управляющее транспортным средством, в случае установления факта употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотрен-

ных законодательством Российской Федерации.

Бланкетность приведенного выше примечания — нисходящая, отсылающая к постановлению Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») и приказу Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)».

Согласно п. 2.3.2 ПДД РФ водитель механического транспортного средства обязан по требованию должностных лиц, уполномоченных на осуществление федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения, проходить освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

В соответствии с п. 2.6 ПДД РФ, если в дорожно-транспортном происшествии погибли или ранены люди, водитель, причастный к нему, обязан ожидать сотрудников полиции.

При этом примечание 2 к ст. 264 УК РФ фактически приравнивает правовое положение лиц, отказавшихся выполнять законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством РФ, к правовому положению лиц, состояние опьянения которых было установлено в соответствии с предусмотренным порядком.

Правовая неопределенность, ставшая предметом запроса президиума Ивановского суда, возникает исключительно из-за толкования примечания 2 к ст. 264 УК РФ как конструкции в виде юридической фикции, приравнивающей правовое положение лица, состояние опьянения которого было выявлено в установленном порядке, к лицам, которые не проходили соответствующее освидетельствование и вопрос о наличии состояния опьянения у ко-

¹ Заключение подготовлено доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, заслуженным деятелем науки РФ А. И. Коробеевым и доцентом этой же кафедры, кандидатом юридических наук А. И. Шишовым по запросу судьи Конституционного Суда РФ А. И. Бойцова.

торых может носить исключительно предположительный характер.

Полагаем, что законоположения названной нормы в той части, в которой они приравнивают положение освидетельствованных лиц и лиц, не прошедших освидетельствование в установленном законом порядке, входят в противоречие со ст. 49 Конституции РФ, закрепляющей презумпцию невиновности и предусматривающей, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

При этом примечание 2 к ст. 264 УК РФ порождает правовую неопределенность и возможность произвольного его толкования.

Согласно ст. 71 Конституции РФ регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина (п. «в»), а также уголовное законодательство (п. «о») находятся в ведении Российской Федерации. Реализуя свои полномочия в этой сфере, федеральный законодатель самостоятельно определяет содержание положений уголовного закона, в том числе устанавливает преступность общественно опасных деяний, их наказуемость и иные уголовно-правовые последствия совершения лицом преступления. При этом он связан требованиями ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ, допускающими возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, что предполагает — в силу принципа верховенства права — недопущение использования средств уголовного закона для несоразмерного, избыточного ограничения прав и свобод при применении мер уголовной ответственности.

Любое преступление, а равно и меры уголовной ответственности за его совершение, должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы, исходя из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (без-

действия). Неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения его норм — в противоречие названным конституционным принципам, из которых, как отмечал Конституционный Суд РФ, вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования; в противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (постановления от 15 июля 1999 г. № 11-П и от 27 мая 2003 г. № 9-П).

Необходимость соблюдения принципа правовой определенности подчеркивает и Европейский Суд по правам человека при применении содержащихся или вытекающих из Конвенции о защите прав человека и основных свобод общих принципов, лежащих в том числе в основе оценки соответствия ее положениям внутригосударственного права. Согласно позициям Европейского Суда по правам человека закон во всяком случае должен отвечать установленному Конвенцией стандарту, требующему, чтобы законодательные нормы были сформулированы с достаточной четкостью и позволяли лицу предвидеть, прибегая в случае необходимости к юридической помощи, с какими последствиями могут быть связаны те или иные его действия (постановления от 26 апреля 1979 г. по делу «Санди Таймс» (Sunday Times) против Соединенного Королевства (№ 1)» (п. 49); от 31 июля 2000 г. по делу «Йечиус (Jecius) против Литвы» (п. 56); от 28 марта 2000 г. по делу «Барановский (Baranowski) против Польши» (п. 50—52); от 28 октября 2003 г. по делу «Ракевич против Российской Федерации» (п. 31); от 24 мая 2007 г. по делу «Игнатов против Российской Федерации» (п. 74); от 24 мая 2007 г. по делу «Владимир Соловьев против Российской Федерации» (п. 86)).

Конституционный Суд РФ подчеркивал, что особую значимость требования определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе общего правового регулирования приобретают применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей правовой природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на фак-

ты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом только с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности (определение Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 270-О).

Принцип формальной определенности закона, предполагающий точность и ясность законодательных предписаний, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания. Уголовная ответственность может считаться законно установленной и отвечающей требованиям ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ лишь при условии, что она адекватна общественной опасности преступления, уголовный закон ясно и четко определяет признаки этого преступления, отграничивая его от иных противоправных и тем более от законных деяний (постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян»).

При указанных обстоятельствах с целью разрешения сложившейся правовой неопределенности Конституционный Суд РФ имеет возможность выявить конституционно-правовой смысл примечания 2 к ст. 264 УК РФ.

В определении от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р Конституционным Судом РФ была выражена позиция относительно того, что же считать выявлением конституционно-правового смысла нормы. В нем сказано, что согласно ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» с целью выявления конституционно-правового смысла нормы Конституционный Суд РФ оценивает буквальный смысл нормы; смысл нормы, придаваемый ей официальным и иным толкованием; место нормы в системе норм.

Применение примечания 2 к ст. 264 УК РФ в той части, в которой оно позволяет фактически признавать состояние опьянения лица, совершившего названное преступление, но отказавшегося от прохождения медицинского освидетельствования в порядке, предусмотренном приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения

медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)», противоречит как конституционно-правовому принципу презумпции невиновности, так и принципу определенности, установленному Конституцией РФ.

Законодатель, приравнивая правовое положение лиц, отказавшихся выполнять законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством РФ, к правовому положению лиц, состояние опьянения которых было установлено в соответствии с предусмотренным порядком, преследует конкретную цель — не дать уклониться от уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ лицам, которые совершили названное преступление в состоянии опьянения, но отказались пройти освидетельствование на наличие состояния опьянения.

В этом смысле ограничительное толкование названного примечания, содержащееся в п. 10.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (в соответствии с которым водитель, скрывшийся с места происшествия, может быть признан совершившим преступление, предусмотренное ст. 264 или 264.1 УК РФ, в состоянии опьянения, если после его задержания к моменту проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения или судебной экспертизы не утрачена возможность установить факт нахождения лица в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством), направлено на реализацию названных выше конституционных принципов, прежде всего презумпции невиновности.

При этом у законодателя сохраняется возможность введения самостоятельной нормы, предусматривающей уголовную ответственность для лиц, не выполнивших законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством РФ, не используя конструкцию, позволяющую формально приравнивать правовое положение таких лиц к лицам, состояние опья-

нения у которых было установлено в предусмотренном законом порядке.

Таким образом, примечание 2 к ст. 264 УК РФ не соответствует Конституции РФ в той мере, в какой допускает возможность приравнять правовое положение лица, отказавшегося проходить медицинское освидетельствование на состояние опьянения, к правовому положению лиц, состояние опьянения которых было установлено в соответствии с предусмотренным законом порядком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПРИМЕЧАНИЯ 2 К СТ. 264 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ²

В примечании 2 к ст. 264 УК РФ для целей данной статьи и ст. 264.1 УК РФ закреплено понятие лица, находящегося в состоянии опьянения. Таковым признается:

- 1) лицо, находящееся в состоянии опьянения, управляющее транспортным средством, в случае:
 - установления факта употребления им вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством РФ об административных правонарушениях;
 - наличия в его организме наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ;
- 2) лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством РФ.

Данное примечание не может быть признано соответствующим Конституции РФ и ряду международных актов.

Во-первых, в тексте примечания два разных по своей природе явления — определенное психическое состояние (опьянение)

и поведение (отказ от освидетельствования) — признаются однопорядковыми, фактически приравнены друг другу. Между тем несложно представить, что отказ может быть обусловлен и рядом других причин, не связанных с опьянением. В этом случае последнее, по сути, презюмируется, однако подобная презумпция недопустима, влечет нарушение конституционных прав человека и гражданина (в частности, предусмотренные ст. 49 Конституции РФ). Если законодатель считал необходимым признать в качестве квалифицирующего признака в ст. 264 УК РФ не только состояние опьянения, но и отказ от освидетельствования (либо уклонение от его прохождения), то в уголовно-правовой норме для придания ей необходимой определенности так и следовало указать (как, в частности, сделано в ст. 264.1 УК РФ, в которой подобный отказ назван в качестве криминообразующего признака).

Уголовно-процессуальное право не допускает признания доказательством подобного рода предположения.

Во-вторых, данная в примечании формулировка состояния опьянения в связи с употреблением алкоголя (веществ, содержащих этиловый спирт), наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ не в полной мере согласуется с задачами, стоящими перед Уголовным кодексом РФ, не отвечает принципам законности, равенства граждан перед законом, справедливости (ст. 2, 3, 4 и 6 УК РФ). Более того, она стимулирует лицо, допустившее нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортного средства в указанном состоянии, в результате которого погибли или были ранены люди, скрыться с места происшествия до прибытия уполномоченного должностного лица и таким образом избежать направления на медицинское освидетельствование. В связи с этим утрачивается возможность установления состояния опьянения на момент управления транспортным средством путем проведения медицинского освидетельствования или судебной экспертизы (в остальных случаях состояние лица может устанавливаться рядом других обстоя-

² Заключение подготовлено доктором юридических наук, профессором кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) А. И. Чучаевым по запросу Полномочного представителя Государственной Думы ФС РФ в Конституционном Суде РФ Т. В. Касаевой.

тельств — показаниями свидетелей, потерпевших, медицинскими документами, другими доказательствами).

Данное обстоятельство исключает возможность вменения в вину состояния опьянения как квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ. Следовательно, действия виновного не получают объективной юридической оценки исходя из фактических обстоятельств совершения преступления.

В силу прямой оговорки, содержащейся в ч. 2 ст. 63 УК РФ, в указанной ситуации состояние опьянения нельзя признать и отягчающим наказание обстоятельством.

Более того, перед судом может встать вопрос о назначении наказания в соответствии с п. «и» или «к» ст. 61 УК РФ в связи с отсутствием отягчающих наказание обстоятельств, что повлечет ограничение максимального размера наказания до 2/3 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей частью ст. 264 УК РФ (ст. 62 УК РФ).

Согласно Резолюции № (73) 7 Комитета министров Совета Европы от 22 марта 1973 г. «О наказании за дорожные правонарушения при управлении транспортным средством под влиянием алкоголя» (п. II.I) «эффективность мер против вождения под влиянием алкоголя зависит от уверенности в скорой реализации преследования за это. Следовательно... уголовное разбирательство должно быть настолько простым и функциональным, насколько это совместимо с юридическими гарантиями». Таких гарантий примечание 2 к ст. 264 УК РФ, к сожалению, не содержит.

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ³

1. <...> Учитывая требования статей 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», пункт 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на его основании решается вопрос о возможности признания скрывшегося с места дорожно-транс-

портного происшествия лица, находившимся в состоянии опьянения при управлении транспортным средством, для применения в его отношении предусмотренных статьей 264 УК Российской Федерации мер уголовной ответственности.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая Россию демократическим правовым государством, в котором высшей ценностью являются человек, его права и свободы и обязанность которого составляют признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, обеспечение их правосудием на основе равенства перед законом и судом (статья 1, часть 1; статьи 2 и 18; статья 19, часть 1; статья 46, часть 1), а потому к качеству законов, опосредующих взаимоотношения граждан с публичной властью, в частности устанавливающих меры юридической ответственности за правонарушения, предъявляются особые требования.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из принципов правового государства и справедливости вытекает обращенное к законодателю требование формальной определенности, ясности и непротиворечивости правового регулирования, взаимной согласованности предметно связанных между собой норм различной отраслевой принадлежности, поскольку конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями; в противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что противоречит конституционному принципу равенства, предполагающему одинаковый подход к лицам, находящимся в равных или сходных условиях, и ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (постановления от 15 июля 1999 года № 11-П, от 27 мая 2003 года № 9-П, от 27 мая 2008 года № 8-П, от 27 июня 2013 года № 15-П, от 25 февраля 2014 года № 4-П, от 22 апреля 2014 года № 12-П, от 14 июля 2015 года № 20-П, от 17 января 2018 года № 3-П и др.). Особую значимость требования четкости и недвусмысленности правовых норм, их согласованности в системе правового регулирования

³ Извлечение из постановления Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта второго примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс».

имеют для уголовного законодательства, являющегося по своей природе исключительным средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности.

Оценивая конституционность нормативного регулирования оснований, условий и пределов юридической ответственности, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам (постановления от 15 июля 1999 года № 11-П, от 19 марта 2003 года № 3-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 января 2013 года № 1-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П и др.):

- закрепляя и изменяя составы правонарушений и меры ответственности за их совершение, федеральный законодатель связан вытекающим из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации критерием соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям, а также обязан соблюдать гарантируемое ее статьей 19 (часть 1) равенство всех перед законом и судом, означающее, что любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть определены в законе таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий, бездействия;
- виды юридической ответственности и сопутствующие им наказания должны обладать разумным сдерживающим потенциалом, достаточным для соблюдения соответствующих запретов; в противном случае их применение не будет отвечать предназначению государственного принуждения, которое заключается, главным образом, в превентивном использовании присущих ему юридических средств для защиты прав и свобод человека и гражданина, иных конституционно признаваемых ценностей гражданско-го общества и правового государства;
- в случаях, когда предусматриваемые законом меры публично-правовой ответственности перестают отвечать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, федераль-

ный законодатель вправе обеспечить их приведение в соответствие с новыми социальными реалиями, соблюдая при этом конституционные принципы равенства, справедливости и гуманизма;

- названные конституционные принципы определяют дифференциацию юридической ответственности в зависимости от существенных обстоятельств, влияющих на выбор той или иной меры государственного принуждения, а потому, предусматривая конкретный вид юридической ответственности, федеральный законодатель обязан соотносить его с характером правонарушения, опасностью для находящихся под охраной закона ценностей, с личностью и степенью вины правонарушителя, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс прав привлекаемого к ответственности гражданина и публично-го интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств.

Вместе с тем криминализация тех или иных правонарушений, неразрывно связанная с конструированием состава преступления, системообразующими элементами которого являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, не предполагает обязательного наличия признаков общественной опасности у каждого из них, — такие признаки могут отражать не все, а лишь отдельные элементы состава преступления. В частности, общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства на охраняемые общественные отношения (объект преступления), временем, местом, способом его совершения и наступившими последствиями, в том числе их масштабом (объективная сторона преступления), формой вины, мотивами и целями противоправных действий, бездействия (субъективная сторона преступления). Из приведенной правовой позиции, изложенной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года № 2-П, следует, что федеральный законодатель, принимая решение о криминализации деяния, обязан учитывать типовую оценку его общественной опасности и, если отдельные признаки преступления свидетельствуют о том, что степень его обще-

ственной опасности существенно изменяется по сравнению с типовой оценкой, провести — в силу принципа справедливости — дифференциацию уголовной ответственности, с тем, однако, чтобы при этом не нарушались принципы равенства и правовой определенности.

3. Формулируя общие признаки субъекта преступления, федеральный законодатель предусмотрел в статье 23 УК Российской Федерации, что лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности (тем самым физиологическое алкогольное опьянение не отнесено к состоянию невменяемости). Более того, в силу части первой.1 статьи 63 данного Кодекса в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного суд, назначающий наказание, может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением названных средств и веществ. Следовательно, установление факта совершения преступления в состоянии опьянения не исключает уголовную ответственность, но может учитываться при ее индивидуализации.

С учетом того что само по себе использование транспортных средств создает повышенную опасность для окружающих (пункт 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации), а управление ими в состоянии опьянения объективно снижает уровень безопасности дорожного движения, Федеральным законом от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» запрещена эксплуатация транспортных средств лицами, находящимися в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения (пункт 2.1 статьи 19). Правила дорожного движения Российской Федерации (утверждены постановлением Совета министров — Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 года № 1090) также запрещают водителю управлять транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного), под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание, в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность движения (пункт 2.7).

Обязательность соответствующих запретов обеспечивается, как правило, закреплением санкций за их несоблюдение. Исходя из этого федеральный законодатель был вправе предусмотреть ответственность за несоблюдение запрета на управление транспортными средствами лицами, находящимися в состоянии опьянения, которая в системе действующего правового регулирования имеет преимущественно административно-правовую природу (статья 12.8 КоАП Российской Федерации).

Вместе с тем — в целях усиления ответственности за несоблюдение указанного запрета — Федеральным законом от 13 февраля 2009 года № 20-ФЗ в статью 264 УК Российской Федерации введены новые разновидности состава предусмотренного ею преступления (части вторая, четвертая и шестая), связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершенным лицом, находящимся в состоянии опьянения, а Федеральным законом от 31 декабря 2014 года № 528-ФЗ данная статья дополнена примечаниями: согласно их пункту 2 (уточненному Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 328-ФЗ) находящимся в состоянии опьянения признается лицо, управляющее транспортным средством, в случае установления факта употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

В то же время Федеральным законом от 31 декабря 2014 года № 528-ФЗ статья 12.8 КоАП Российской Федерации дополнена указанием на наступление административной ответственности за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, притом что годом ранее, когда федеральный законодатель отказался

от введенного для водителей абсолютного запрета на содержание алкоголя в крови, эта статья была дополнена примечанием, закрепившим, что предусмотренная ею и частью 3 статьи 12.27 данного Кодекса ответственность наступает в случае установленного факта употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, или в случае наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека (пункт 20 статьи 1 Федерального закона от 23 июля 2013 года № 196-ФЗ).

Исключение пунктом 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации возможности подтвердить факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ лицом, управлявшим транспортным средством, при недостижении минимальной границы, которая определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, направлено на унификацию уголовного и административно-деликтного законодательства, вследствие чего составообразующим признаком преступления признается лишь такое управление транспортным средством в состоянии опьянения, которое при отсутствии общественно опасных последствий в виде тяжкого вреда здоровью или смерти человека является административным правонарушением (за исключением случаев, предусмотренных статьей 264.1 УК Российской Федерации).

Использование в смежных отраслях права единых признаков специального субъекта ответственности, дающих основание считать его лицом, употреблявшим вызывающие алкогольное опьянение вещества, равно как и одинаковая оценка управления таким лицом транспортным средством как представляющего серьезную опасность для участников дорожного движения согласуются с принципами юридического равенства и справедливости. Конкретизация же признаков наличия в организме водителя минимального уровня этилового спирта, по достижении которого он признается находящимся в состоянии опьянения, призвана исключить его произвольное привлечение к от-

ветственности и сама по себе не противоречит требованиям правовой определенности.

Таким образом, названные положения уголовного и административно-деликтного законодательства системно согласованы и, имея целью обеспечить соблюдение запрета управлять транспортным средством в состоянии опьянения, предусматривают объективно оправданную дифференциацию публично-правовой ответственности водителей в зависимости от наступления или ненаступления в результате их общественно опасного поведения тех или иных последствий.

4. Эффективный контроль за соблюдением запрета на употребление водителями вызывающих опьянение веществ предполагает наличие как механизмов, обеспечивающих выявление фактов их употребления, так и соответствующих обязанностей и ограничений, которые должны налагаться с тем, чтобы воспрепятствовать лицам, находящимся под воздействием алкоголя, управлять транспортными средствами.

В частности, пункт 1 статьи 31 Конвенции о дорожном движении от 8 ноября 1968 года, характеризуя должное поведение водителя в случае дорожно-транспортного происшествия, указывает на его обязанности по возможности быстрее остановиться, не создавая дополнительной опасности для движения (подпункт «а»), а когда в результате дорожно-транспортного происшествия имеются раненые или убитые, сообщить об этом в службу дорожного движения и, если ему не разрешено покинуть место происшествия или если он не должен оказать помощь раненым или получить медицинскую помощь сам, возвратиться к месту происшествия или оставаться на месте до прибытия сотрудников службы дорожного движения (подпункт «d»). Введение обязанности лица, подозреваемого в совершении правонарушения во время управления транспортным средством под влиянием алкоголя, пройти исследование для определения его состояния, когда его поведение свидетельствует об алкогольном опьянении, равно как и установление ответственности за несоблюдение этой обязанности вытекают из Резолюции (73) 7 Комитета Министров Совета Европы от 22 марта 1973 года «О наказании за нарушения правил дорожного движения, совершенные при управлении транспортным средством под воздействием алкоголя», требующей обеспечения в национальном законодательстве

принципа, в силу которого никто не может отказать или уклониться в указанном случае от проведения теста дыхания, анализа крови или медицинского освидетельствования.

Приведенным положениям корреспондируют предписания Правил дорожного движения Российской Федерации, обязывающие водителя не покидать место дорожно-транспортного происшествия и ожидать прибытия сотрудников полиции (пункты 2.5 и 2.6), а также проходить по требованию должностных лиц, уполномоченных на осуществление федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения (пункт 2.3.2). При наступлении же тяжких последствий в результате нарушения лицом, управляющим транспортным средством, правил дорожного движения (тяжкий вред здоровью, смерть) признаки опьянения устанавливаются и оцениваются с учетом законодательно определенных правил уголовного судопроизводства, для которого нормы уголовного закона, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, служат материально-правовой предпосылкой (постановление от 19 ноября 2013 года № 24-П).

В пункте 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации используются два критерия признания лица, управляющего транспортным средством, специальным субъектом, указанным в ее частях второй, четвертой и шестой: установление факта употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях; невыполнение им законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Согласно разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных частями второй, четвертой и шестой статьи 264 УК Российской Федерации, факт употре-

бления лицом, управляющим транспортным средством, веществ, вызывающих алкогольное опьянение, должен быть установлен по результатам освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и (или) медицинского освидетельствования на состояние опьянения, а наличие в организме такого лица наркотических средств или психотропных веществ — по результатам химико-токсикологических исследований при медицинском освидетельствовании на состояние опьянения, проведенных в соответствии с правилами, утвержденными Правительством Российской Федерации, и в порядке, установленном Министерством здравоохранения Российской Федерации, либо по результатам судебной экспертизы, проведенной в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (пункт 10.1, введенный постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2016 года № 22).

Соответственно, невозможность установить факт употребления лицом, управлявшим транспортным средством, вызывающих алкогольное опьянение веществ (по причине удаленности медицинского учреждения, отсутствия специалистов для проведения освидетельствования или экспертизы и др.) не должна — исходя из принципа презумпции невиновности — расцениваться как допускающая выявление признака специального субъекта преступлений, предусмотренных частями второй, четвертой и шестой статьи 264 УК Российской Федерации, иными способами.

Таким образом, пункт 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации в части закрепления первого из указанных в нем критериев направлен на создание — в пределах законодательной дискреции — правовой гарантии от необоснованного привлечения к уголовной ответственности в соответствии с частями второй, четвертой и шестой данной статьи, исключая отнесение вопреки требованиям уголовного закона к числу специальных субъектов предусмотренных ими преступлений управлявших транспортными средствами лиц, в состоянии опьянения не находившихся, а потому ни сам по себе, ни по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, не может расцениваться как противоречащий требованиям Конституции Российской Федерации, ее статей 19 (часть 1), 49 и 55 (часть 3).

Что касается второго критерия, позволяющего признавать специальным субъектом

соответствующих преступлений лицо, оставшееся на месте дорожно-транспортного происшествия, но не выполнившее законное требование о прохождении освидетельствования на состояние опьянения, то конституционность данного законоположения в таком аспекте в запросе Ивановского областного суда не подвергается сомнению и тем самым не является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в рамках настоящего дела.

5. В отличие от признаков, характеризующих общественную опасность нарушения лицом, управляющим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, последующее поведение такого лица принципиально не меняет юридическую оценку этой опасности, но может быть принято во внимание при уголовно-правовой дифференциации и индивидуализации содеянного.

Уголовный кодекс Российской Федерации предписывает, в частности, признавать смягчающим обстоятельством оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, другие действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (пункт «к» части первой статьи 61), а также учитывать последующее позитивное поведение совершившего преступное деяние лица при решении вопроса о возможности его освобождения от уголовной ответственности (статьи 75—76.2); напротив, течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия или суда либо от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствии со статьей 76.2 данного Кодекса (часть третья статьи 78).

5.1. Касаясь вопроса о конституционности введения самостоятельной публично-правовой ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующую правовую позицию: закон, закрепляя обязанность лица, управляющего транспортным средством, под угрозой наказания оставаться на месте дорожно-транспортного происшествия, связывает данную обязанность с интересами всех участ-

ников дорожного движения и необходимостью обеспечения выполнения ими взаимных обязательств, порождаемых фактом дорожно-транспортного происшествия; это обусловлено в том числе характером отношений, складывающихся между водителем, управляющим транспортным средством как источником повышенной опасности, и другими участниками дорожного движения, и не противоречит требованию статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц; вводя ответственность за оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия, государство реализует свою конституционную обязанность защищать достоинство человека, его права и свободы, включая право на жизнь и здоровье, обеспечивать права потерпевших от преступлений (статья 2; статья 20, часть 1; статья 21; статья 41, часть 1; статья 45, часть 1; статья 52 Конституции Российской Федерации) (постановление от 25 апреля 2001 года № 6-П, Определение от 7 декабря 2010 года № 1702-О-О).

В силу приведенной правовой позиции само по себе закрепление обязанности водителя не покидать место дорожно-транспортного происшествия, участником которого он стал, и ожидать прибытия сотрудников полиции, равно как и установление, исходя из определяемых Конституцией Российской Федерации основ публично-правовой ответственности, неблагоприятных последствий невыполнения этой обязанности, обусловленных собственным противоправным поведением водителя, направлены на защиту прав и свобод других участников дорожного движения, предупреждение правонарушений в данной области, в том числе совершаемых под воздействием вызывающих алкогольное опьянение веществ, и как таковые согласуются с требованиями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

В настоящее время невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием, включая оставление водителем в нарушение правил дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся, влечет административную ответственность по статье 12.27 КоАП Российской Федерации. Статья же 264 УК Российской Федерации не предполагает отнесение к специальным субъектам, предусмотренным

ее частями второй, четвертой и шестой, лиц, покинувших место дорожно-транспортного происшествия, независимо от причин и мотивов, обусловивших такое поведение. Хотя оставление места дорожно-транспортного происшествия может быть продиктовано, в частности, стремлением водителя скрыть факт опьянения, чтобы избежать таким образом привлечения к более строгой уголовной ответственности, оно не равнозначно ни установлению факта опьянения, ни отказу от прохождения освидетельствования, предусмотренным пунктом 2 примечаний к данной статье.

5.2. Пункт 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации не содержит прямого указания на то, какие правила признания водителя находящимся в состоянии опьянения должны применяться в случае, если он скрылся с места дорожно-транспортного происшествия, имеющего признаки преступления, предусмотренного данной статьей. В связи с этим в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 года № 25 разъясняется, что водитель, скрывшийся с места происшествия, может быть признан совершившим преступление, предусмотренное статьей 264 УК Российской Федерации, в состоянии опьянения, если после его задержания к моменту проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения или судебной экспертизы не утрачена возможность установить факт нахождения лица в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством; в случае отказа от прохождения медицинского освидетельствования данное лицо признается управлявшим транспортным средством в состоянии опьянения (пункт 10.2).

Из этого следует, что установление состояния опьянения на момент управления транспортным средством исключительно по результатам освидетельствования или судебной экспертизы интерпретируется в правоприменительной практике как относящееся ко всем специальным субъектам преступлений, предусмотренных частями второй, четвертой и шестой статьи 264 УК Российской Федерации, включая тех, кто покинул место дорожно-транспортного происшествия до прибытия уполномоченного должностного лица. В результате управлявшие транспортными средствами лица, оставшиеся на месте дорожно-транспортного происшествия в соответствии с правилами дорожного движения (в отноше-

нии которых факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ надлежащим образом установлен либо которые не выполнили законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), оказываются в неравном (худшем) положении по сравнению с лицами, скрывшимися с места дорожно-транспортного происшествия, в отношении которых возможность подтвердить состояние опьянения на момент совершения преступления в соответствии с пунктом 2 примечаний к данной статье, по сути, утрачивается. Такое законодательное регулирование не отвечает цели эффективного уголовно-правового противодействия преступлениям, предусмотренным частями второй, четвертой и шестой статьи 264 УК Российской Федерации, совершенным лицами, управлявшими транспортными средствами, в том числе в состоянии опьянения, и скрывшимися с места дорожно-транспортного происшествия.

Расширительное же толкование пункта 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации, как приравнивающего само по себе оставление лицом, управлявшим транспортным средством, в том числе в состоянии опьянения, места дорожно-транспортного происшествия к отказу от прохождения освидетельствования на состояние опьянения, недопустимо в силу требований принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), а также принципа презумпции невиновности (статья 49 Конституции Российской Федерации).

Не конкретизировав уголовно-правовое значение такого противоправного поведения, а также исключив возможность установить факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ лицом, управлявшим транспортным средством, в целях применения частей второй, четвертой и шестой статьи 264 УК Российской Федерации иными способами, федеральный законодатель тем самым ввел в правовое регулирование норму, направленную на усиление ответственности за соответствующие преступления, но при этом не учитывающую нормативные условия (пределы) ее применения к лицам, управлявшим транспортными средствами, в том числе в состоянии опьянения, и скрывшимся с места дорожно-транспортного происшествия.

5.3. Оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он стал, означает неисполнение им

обязанностей, установленных для случаев нарушения правил дорожного движения, и влечет ответственность по статье 12.27 КоАП Российской Федерации. В то же время в случае совершения преступлений, предусмотренных статьей 264 УК Российской Федерации, в том числе ее частями второй, четвертой и шестой, оставление места дорожно-транспортного происшествия лицом, управлявшим транспортным средством, не влияет на квалификацию его противоправных действий.

При таких обстоятельствах лицо, управлявшее транспортным средством и оставшееся на месте дорожно-транспортного происшествия, но отказавшееся от прохождения освидетельствования на состояние опьянения, оказывается применительно к уголовной ответственности в худшем положении, нежели лицо, управлявшее транспортным средством, в том числе в состоянии опьянения, и скрывшееся с места дорожно-транспортного происшествия, что свидетельствует о наличии имеющего конституционную значимость пробела в законодательной дифференциации ответственности, предусмотренной статьей 264 УК Российской Федерации, и входит в противоречие с конституционными принципами равенства и справедливости, а также с требованием соразмерности уголовно-правовой репрессии совершенному преступному деянию.

Вопросы криминализации и пенализации общественно опасных деяний, нормативной дифференциации уголовной ответственности за их совершение относятся к дискреционным полномочиям федерального законодателя. Устраняя выявленный пробел в уголовно-правовом регулировании, он может, во-первых, исключить двойную — по последствиям и по признакам субъекта — дифференциацию уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств путем возвращения к выделению в статье 264 УК Российской Федерации трех частей (как это было до принятия Федерального закона от 13 февраля 2009 года № 20-ФЗ), в рамках которых дальнейшее определение объема уголовно-правовых последствий осуществляется на стадии индивидуализации ответственности судом, а во-вторых, изменить вид ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия посредством его криминализации в форме самостоятельного состава преступления.

Кроме того, хотя в настоящее время в уголовном законе квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками, как правило, являются те обстоятельства, которые характеризуют общественную опасность деяния в момент его совершения, конституционные принципы публично-правовой ответственности не препятствуют и дифференциации ответственности в рамках одной статьи Уголовного кодекса Российской Федерации исходя из поведения водителя после дорожно-транспортного происшествия, участником которого он стал. Не исключены и иные варианты законодательных решений, призванные нейтрализовать то преимущественное положение, которое создает пункт 2 примечаний к статье 264 данного Кодекса для лиц, управлявших транспортными средствами в состоянии опьянения, нарушивших правила дорожного движения и скрывшихся с места дорожно-транспортного происшествия.

5.4. Таким образом, пункт 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 2), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования он ставит лицо, управлявшее транспортным средством, в том числе в состоянии опьянения, если оно совершило нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности предусмотренные статьей 264 УК Российской Федерации тяжкие последствия, и скрылось с места дорожно-транспортного происшествия, в преимущественное положение — с точки зрения последствий своего поведения — по сравнению с лицами, управлявшими транспортными средствами и оставшимися на месте дорожно-транспортного происшествия, в отношении которых факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ надлежащим образом установлен либо которые не выполнили законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Вместе с тем утрата пунктом 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации юридической силы в части, препятствующей привлечению к уголовной ответственности в соответствии с ее частями второй, четвертой и шестой лиц, скрывшихся с места дорожно-транспортного происшествия, непосредственно с момента провозглашения настоящего Постановления противоречила бы природе Конституционного Суда Российской Федерации как органа, ре-

шения которого не должны приводить к ухудшению правового положения граждан в отношениях с государством (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 года № 32-П). Однако и невозможность привлечения к уголовной ответственности за совершение указанных преступлений лиц, оставшихся на месте дорожно-транспортного происшествия, как следствие принятия настоящего Постановления, если и способствовала бы реализации принципов справедливости и равенства в соответствующих правоотношениях, в то же время снизила бы достигнутый уровень уголовно-правовой превенции посягательств на жизнь и здоровье в результате управления транспортным средством в состоянии опьянения.

Поэтому Конституционный Суд Российской Федерации, имея в виду принцип конституционной сдержанности, который лежит в основе его деятельности, и требование обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75, статьями 79 и 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», считает необходимым установить следующий порядок исполнения настоящего Постановления:

— федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, — не позднее чем через год после вступления настоящего Постановления в силу устранить выявленные Конституционным Судом Российской Федерации неконституционные аспекты правового регулирования ответственности за нарушение правил дорожного движения, совершенное лицом, управлявшим транспортным средством и скрывшимся с места дорожно-транспортного происшествия. Этим не ставится под сомнение правомочие федерального законодателя — в пределах его конституционной дискреции и с соблюдением вытекающих из принципов равенства и справедливости требований соразмерности уголовно-правовых и иных последствий совершенного деяния тяжести содеянного — по выбору правовых моделей, которые могут быть использованы в данной сфере правового регулирования;

— впредь до внесения федеральным законодателем в правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, сохраняет силу действующий порядок применения пункта 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации;

— если до установленного настоящим Постановлением срока федеральный законодатель не внесет в правовое регулирование необходимых изменений, вытекающих из настоящего Постановления, пункт 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации утрачивает силу, что в контексте правовой позиции о недопустимости ухудшения правового положения граждан в отношениях с государством на основе постановлений Конституционного Суда Российской Федерации будет означать также и невозможность применения частей второй, четвертой и шестой статьи 264 УК Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80, 87 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

1. Признать пункт 2 примечаний к статье 264 УК Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 2), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования он ставит лицо, управлявшее транспортным средством, в том числе в состоянии опьянения, если оно совершило нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности предусмотренные статьей 264 УК Российской Федерации тяжкие последствия, и скрылось с места дорожно-транспортного происшествия, в преимущественное положение — с точки зрения последствий своего поведения — по сравнению с лицами, указанными в пункте 2 примечаний к данной статье, т.е. управлявшими транспортными средствами и оставшимися на месте дорожно-транспортного происшествия, в отношении которых факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ надлежащим образом установлен либо которые не выполнили законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

POST SCRIPTUM

Начать уголовно-правовой анализ ситуации с так называемым «пьяным водителем», ставшей предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ, пожалуй, сто́ит с констатацией того, что правовое регулирование сложившейся ситуации не подлежит однозначной оценке, так как примечание 2 к ст. 264 УК РФ породило правовые проблемы, которые выходят далеко за рамки запроса президиума Ивановского областного суда.

Заметим прежде всего, что диспозиция ст. 264 УК РФ, равно как и примечания к ней, носит бланкетный характер.

Бланкетность примечания — нисходящая, она отсылает к постановлению Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») и приказу Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)».

Согласно п. 2.3.2 ПДД РФ водитель механического транспортного средства обязан по требованию должностных лиц, уполномоченных на осуществление федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения, проходить освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения. В соответствии с п. 2.6 ПДД РФ, если в дорожно-транспортном происшествии погибли или ранены люди, водитель, причастный к нему, обязан ожидать сотрудников полиции.

Приказ Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» устанавливает процедуру

прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, результаты которого позволяют сделать однозначный вывод о наличии или об отсутствии состояния опьянения у водителя, участвовавшего в дорожно-транспортном происшествии.

В течение длительного времени после принятия Уголовного кодекса РФ 1996 г. совершение транспортного преступления в состоянии опьянения не имело особого уголовно-правового значения, и только в 2009 г. ст. 264 УК РФ была дополнена тремя новыми частями. В них был предусмотрен один и тот же квалифицирующий признак — управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, который стал, по сути, субсидарным (дополнительным) по отношению к общественно опасным последствиям средством дифференциации ответственности. Заметим в скобках, что еще в 1989 г. один из авторов предлагал именно таким способом отразить в уголовном законе повышенную общественную опасность транспортных преступлений, совершаемых нетрезвыми водителями⁴.

В пояснительной записке к проекту закона его разработчики указали, что использование признака «состояние опьянения» в качестве квалифицирующего позволит дифференцировать уголовную ответственность, поскольку санкции в предыдущей редакции данной статьи «одинаковы как для водителей, находившихся в состоянии опьянения, так и для трезвых водителей», а сам закон сможет способствовать предупреждению таких преступлений, поскольку «предлагаемые изменения законодательства Российской Федерации позволят значительно снизить количество ДТП и тяжесть их последствий»⁵.

Внесенные в ст. 264 УК РФ изменения вызвали противоречивую реакцию представителей научной общественности. Большая часть исследователей безоговорочно поддержала идею законодателя⁶. По мнению же скептиков, появление рассматриваемого квалифицирующего признака в ст. 264 УК РФ было сомнитель-

⁴ См.: Коробеев А. И. Транспортные преступления: пути и способы совершенствования законодательной конструкции // Правоведение. 1989. № 2. С. 97.

⁵ См.: пояснительная записка к проекту Федерального закона № 93181-5 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Иванцова Н., Сосновский А. Безопасность движения: уголовно-правовой аспект // Законность. 2009. № 9. С. 46—47; Арзамасцев М. Состояние опьянения как квалифицирующий признак дорожно-транспортного преступления // Уголовное право. 2010. № 1. С. 4—8; Ханахок С. М. Институт уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 22.

но по многим основаниям. Во-первых, странно, что он введен лишь в одну статью Особенной части УК РФ (и отсутствует в других схожих нормах — ст. 263 и 268). Во-вторых, подобного признака не было долгое время даже в перечне отягчающих обстоятельств (в ст. 63 УК РФ он включен лишь в 2013 г.), чем нарушался принцип системности уголовного законодательства⁷. В-третьих, при таком законодательном подходе акцент в установлении уголовной ответственности необоснованно перемещается с деяния на «опасное состояние личности»⁸.

Состояние опьянения в ст. 63 УК РФ в самом общем виде определяется как такое состояние, которое вызывается «употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ».

В соответствии с п. 2.7 ПДД РФ водителю запрещается управлять транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного), а также употреблять алкогольные напитки, наркотические, психотропные или иные одурманивающие вещества после дорожно-транспортного происшествия, к которому он причастен, либо после того, как транспортное средство было остановлено по требованию сотрудника полиции, до проведения освидетельствования с целью установления состояния опьянения или до принятия решения об освобождении от проведения такого освидетельствования.

Особо подчеркнем, что *вид* опьянения на квалификацию не влияет: достаточно установить, что оно было физиологическим и возникло вследствие употребления алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или иных одурманивающих веществ. Сложнее решается вопрос со *степенью* такого опьянения.

В настоящий момент наличие состояния опьянения у водителей фиксируется лишь при превышении концентрации абсолютного этилового спирта в 0,16 мг на один литр выдыхаемого воздуха либо или в случае наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека. Следовательно, содержание спирта в организме водителя, не пре-

вышающее указанного порогового ограничения, состоянием опьянения не признается, как не является состоянием опьянения отсутствие в организме человека наркотических средств, психотропных или одурманивающих веществ. Отсюда можно сделать вывод, что оценку состояния опьянения при решении вопроса о квалификации преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, надо осуществлять по принципу дихотомии: или это состояние есть (пусть даже оно выражено в самой легкой степени) и тогда наступает уголовная ответственность по ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ, или его нет и ответственность по указанным частям ст. 264 УК РФ исключается. Только так можно избежать субъективизма в учете состояния опьянения лиц, управляющих транспортными средствами и совершающих при этом транспортные преступления, и, как результат, ошибок в квалификации ими содеянного.

Очевидно, что именно желание избежать субъективизма при определении наличия состояния опьянения послужило предпосылкой того, что в п. 10.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» указано, что водитель, скрывшийся с места происшествия, может быть признан совершившим преступление, предусмотренное ст. 264 или 264.1 УК РФ, в состоянии опьянения, если после его задержания к моменту проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения или судебной экспертизы не утрачена возможность установить факт нахождения лица в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством.

По сути, Пленум Верховного Суда РФ дал ограничительное толкование понятия лица, находившегося в состоянии опьянения. Законодатель, напротив, вышел за пределы собственно определяемого понятия, приравняв отказ от освидетельствования к состоянию опьянения, хотя деяния эти далеко не тождественны. Несомненно, что если необходимо было крими-

⁷ См.: Благов Е. В. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. М., 2011. С. 70; Колчин М. М. Безопасность железнодорожного транспорта: уголовно-правовые проблемы. Владимир, 2009. С. 88.

⁸ См.: Исаев Н. И. Уголовная ответственность за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. М., 2011. С. 142.

нализировать отказ от освидетельствования (целесообразность чего вызывает большое сомнение), то это следовало прямо указать в уголовном законе. В качестве альтернативы (хотя и сомнительной, на наш взгляд) криминализации отказа от освидетельствования можно было бы предложить принудительное освидетельствование на состояние опьянения. Иначе получается, что состояние опьянения презюмируется независимо от того, имелось ли оно фактически.

С тезисом о недопустимости расширительного толкования уголовного закона согласился Конституционный Суд РФ, который в постановлении от 25 апреля 2018 г. № 17-П отметил, что расширительное толкование примечания 2 к ст. 264 УК РФ как приравнивающего само по себе оставление лицом, управлявшим транспортным средством, в том числе в состоянии опьянения, места ДТП к отказу от прохождения освидетельствования на состояние опьянения недопустимо в силу требований принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), а также принципа презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ).

При этом Конституционный Суд РФ исчерпывающего рецепта для разрешения сложившихся противоречий законодателю не дал, указав лишь на несколько вариантов решения проблемы: во-первых, исключить двойную — по последствиям и по признакам субъекта — дифференциацию уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств путем возвращения к выделению в ст. 264 УК РФ трех частей, в рамках которых дальнейшее определение объема уголовно-правовых последствий осуществлять на стадии индивидуализации ответственности судом, а во-вторых, изменить вид ответственности за оставление места ДТП посредством его криминализации в форме самостоятельного состава преступления.

Для нас вполне понятна основная причина возникновения противоречий между названными нормами УК РФ и Конституцией РФ с точки зрения юридической техники — использование законодателем конструкции в виде юридической фикции в характеристике объективной стороны преступления в рассмотренном примере. Именно результатом использования юридической фикции стало появление законоположений, устанавливающих одинаковые правовые последствия для лиц, состояние

опьянения которых было выявлено в установленном порядке, и для лиц, которые не проходили соответствующее освидетельствование и вопрос о наличии состояния опьянения у которых может носить исключительно предположительный характер, что привело к неопределенности в уголовно-правовом регулировании.

Следует отметить еще один момент. Законодатель, вводя правило о признании состояния опьянения за лицами, оставившими место ДТП, вынес за скобки причины, по которым лицо отказалось проходить освидетельствование на состояние опьянения или фактически не прошло его. Вопрос о том, могут ли такие причины быть уважительными, для законодателя в настоящий момент безразличен. Однако представить жизненную ситуацию, в которой лицо покинуло место ДТП по уважительным причинам и вследствие этого не прошло освидетельствование на состояние опьянения, достаточно просто. Например, лицо оставляет место ДТП, находясь в состоянии крайней необходимости, доставляя пострадавших в медицинское учреждение. При этом, если исходить из логики Фрунзенского районного суда г. Иваново, буквально толкующего уголовный закон, при утрате возможности освидетельствования таких лиц на состояние опьянения они также автоматически будут считаться совершившими ДТП в состоянии опьянения, независимо от уважительности причин, по которым им пришлось оставить место происшествия.

В своих заключениях мы пришли к выводу, что предписания названной нормы в той части, в которой они приравнивают положение освидетельствованных лиц и лиц, не прошедших освидетельствование в установленном законом порядке, т.е. вообще в части юридической фикции, использованной законодателем, входит в противоречие со ст. 49 Конституции РФ, закрепляющей презумпцию невиновности и гласящей, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, а также что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность и что неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого. Однако вопрос о том, признавать ли субъектом соответствующих преступлений лицо, оставшееся на месте ДТП, но не выполнившее законное требование о прохождении освидетельствования

на состояние опьянения, Конституционным Судом РФ в рамках рассмотрения запроса Президиума Ивановского областного суда не разрешался.

Но отрадно уже и то, что в резолютивной части постановления Конституционный Суд РФ признал примечание 2 к ст. 264 УК РФ частично не соответствующим Конституции РФ и предписал федеральному законодателю в годичный срок внести в действующее правовое регулирование ответственности за нарушение правил дорожного движения, совершенное лицом, управляющим транспортным средством, необходимые изменения.

В этой связи зададимся отнюдь не риторическим вопросом: каким путем следует пойти законодателю, размыкая порочный круг противоречий, заложенных им самим в формулировку примечания к ст. 264 УК РФ?

Вариантов решения проблемы несколько. Два из них предложены Конституционным Судом РФ. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, законодателю рекомендовано подумать о возможной криминализации оставления места ДТП путем закрепления такого запрета в форме самостоятельного состава преступления. Но в Уголовном кодексе РФ уже существовала ст. 265 («Оставление места дорожно-транспортного происшествия»). Примечательно не то, как она попала в Уголовный кодекс, а то, как из него исчезла. Дело в том, что буквально через несколько лет после принятия УК РФ возник вопрос о конституционности ст. 265 УК РФ⁹.

В 1999 г. за совершение транспортного преступления с последующим оставлением места ДТП гражданин Ш. был осужден по ч. 1 ст. 264 и ст. 265 УК РФ. В жалобе в Конституционный Суд РФ Ш. оспорил конституционность ст. 265 УК РФ. Его аргументы заслуживают внимания.

Как утверждал заявитель, содержащейся в данной статье нормой, по существу, вводится уголовная ответственность за отказ содействовать в расследовании ДТП, а на водителя, совершившего это преступление, возлагается

обязанность сохранять и предоставлять правоохранительным органам доказательства своей вины, что противоречит положениям ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, согласно которой никто не обязан свидетельствовать против самого себя. Кроме того, по мнению заявителя, ст. 265 УК РФ противоречит ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, поскольку фактически устанавливает ответственность за те же действия и их последствия, ответственность за которые предусмотрена ст. 264 УК РФ, что приводит к двойному наказанию за одно и то же преступление.

Конституционный Суд РФ постановил признать ст. 265 УК РФ не противоречащей Конституции РФ по следующим основаниям. Во-первых, вытекающая из ст. 265 УК РФ обязанность лица, нарушившего правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, оставаться на месте происшествия в случае наступления последствий, предусмотренных ст. 264 УК РФ, не препятствует ему воспользоваться правом не свидетельствовать против себя самого. Это право должно обеспечиваться на любой стадии уголовного судопроизводства. Данное конституционное право предполагает, что лицо может отказаться не только от дачи показаний, но и от предоставления органам дознания и следователю других доказательств, подтверждающих его виновность в совершении преступления. Во-вторых, нарушение лицом, управляющим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека либо смерть одного или более потерпевших (ст. 264 УК РФ), и оставление места ДТП лицом, управляющим транспортным средством и нарушившим правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, в случае наступления указанных последствий (ст. 265 УК РФ) образуют самостоятельные составы преступлений и, следовательно, установление ответственности за каждое из этих деяний не означает наруше-

⁹ См. об этом подробно: Чучаев А. И. Статья 265 УК РФ признана конституционной // Законность. 2001. № 9.

Автор тогда пришел к выводу о том, что «выделение в Уголовном кодексе рассматриваемого преступления в качестве самостоятельного, наряду с общим составом оставления в опасности (ст. 125 УК), и помещение его в главу о преступлениях, посягающих на безопасность движения или эксплуатации транспорта, вызывает, на наш взгляд, сомнения, порождает искусственные проблемы при квалификации действий виновных, отграничения их от смежных деяний».

ния ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, гарантирующей каждому право не быть повторно осужденным за одно и то же преступление¹⁰.

Из приведенных доводов Ш. и контраргументов Конституционного Суда РФ (особенно по первому пункту) легко обнаружить, что позиция Суда не выглядит в высшей степени убедительной. Например, с таким же успехом можно было бы утверждать, что вор-домашник после совершения квартирной кражи обязан дожидаться хозяев квартиры (а еще лучше — сотрудников полиции), но после этого уже ни в коем случае не свидетельствовать против себя. Сказанное, конечно, отнюдь не означает, что идея законодателя об установлении уголовной ответственности за оставление места ДТП является абсолютно безупречной. Однако лишний раз свидетельствует о том, что законодательное воплощение этой идеи в УК РФ получилось не вполне удачным. Тем более что и позиция Конституционного Суда РФ по данному делу была далеко не единодушной: судья А. Л. Кононов высказал особое мнение, а «практически все участники указанного процесса неоднократно отмечали те или иные существенные недостатки, неточность, неконкретность, неясность, несовершенство, упречность, дефектность и неопределенность положений статьи 265 УК РФ»¹¹.

Надо ли удивляться тому, что законодатель после подтверждения столь своеобразным способом конституционности ст. 265 УК РФ счел за благо в 2003 г. исключить ее из Уголовного кодекса. Специально подчеркнем: полной декриминализации деяния при этом не произошло. Компенсаторную роль в борьбе с бегством незаконопослушных водителей с места ДТП, повлекшего причинение потерпевшему определенных видов вреда, продолжает успешно играть ст. 125 «Оставление в опасности» УК РФ. Ее вполне достаточно для решения вопроса о неотвратимости уголовной ответственности.

Вторая рекомендация сводится к предложению исключить двойную — по последстви-

ям и по признакам субъекта — дифференциацию уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств путем возвращения к выделению в ст. 264 УК РФ трех частей (без упоминания в них о состоянии опьянения водителя).

И с такой рекомендацией мы согласиться не можем. Резко критически отреагировав на криминализацию в 2014 г. нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ), мы отмечали тот бесспорный для нас факт, что установление уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения, не повлекшее уголовно-правовых последствий, не отвечает требованиям необходимости, допустимости и целесообразности криминализации этого правонарушения и перевода его в разряд уголовно наказуемых деликтов. «Криминализация деяния, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, есть тот случай, когда российским отцам-законодателям не стоило было предаваться ностальгии, ворошить прошлое и возрождать из небытия явно упречную (пусть даже и в модифицированном виде) норму. Ничего хорошего из этой акции не получится»¹².

В то же время наши исследования, а также результаты социологических изысканий ряда других авторов показывают, что состояние опьянения играет известную криминогенную роль при управлении транспортными средствами и их угоне. Так, водителями в нетрезвом состоянии в 2012 г. совершено 7,2 % дорожно-транспортных происшествий, в 2013 г. — 7,6 %, в 2014 г. — 7,7 %. Примерно такими же показателями характеризуется «пьяная» аварийность на других видах транспорта. Около 70 % всех угонов в России учиняется лицами, находящимися в состоянии опьянения.

Состояние опьянения как квалифицирующий признак транспортных преступлений используется в законодательстве зарубежных стран (ч. 2 ст. 343 УК Болгарии, п. 2 § 194 УК Вен-

¹⁰ Российская газета. 2001. 15 июня.

¹¹ СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2408.

Симптоматично, что подобные дела (по аналогичным жалобам заявителей) рассматривались в 1990—1999 гг. в Конституционных Судах Испании, Германии, Франции, Хорватии, Республики Корея и в Верховном Суде Канады (см.: Додонов В. Н., Капинус О. С., Щерба С. П. Сравнительное уголовное право. Особенная часть. М., 2010. С. 384).

¹² Подробнее об этом см.: Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Чучаев А. И. Новый вид транспортного преступления как модифицированный вариант хорошо забытого старого // Lex Russica. 2015. № 4.

грии, ст. 178 УК Румынии, ч. 2 ст. 186 УК Вьетнама, ст. 178 УК Польши, ст. 275 и 276 УК Грузии). Было бы целесообразно и в отечественном уголовном законодательстве предусмотреть квалифицированные составы преступного нарушения правил безопасности движения и эксплуатации *всех видов* транспортных средств и их угона, если они совершены лицами, находящимися в состоянии опьянения. При соблюдении данного условия борьба с пьянством на транспорте не только не ослабнет, а наоборот, усилится. В последнее время нашу позицию по этому вопросу поддержал А. В. Иванчин¹³.

Словом, и вторая рекомендация Конституционного Суда РФ не представляется вполне приемлемой. Где же выход из лабиринта?

Можно предложить законодателю простой, непротиворечивый, а главное, легко-

осуществимый способ решения проблемы. Достаточно всего лишь полностью исключить из Уголовного кодекса примечание 2 к ст. 264, оставив в ст. 63 УК РФ общее определение состояния опьянения. Решение же вопроса о наличии или об отсутствии такого состояния у лиц, совершающих транспортные преступления, необходимо полностью передать в компетенцию правоприменителя, который, руководствуясь ранее упомянутыми законами и подзаконными нормативными актами, при строжайшем соблюдении принципов презумпции невиновности и субъективного вменения будет в каждом конкретном случае устанавливать факт такого состояния, отражая его в соответствующей квалификации преступления и учитывая при индивидуализации наказания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арзамасцев М. Состояние опьянения как квалифицирующий признак дорожно-транспортного преступления // Уголовное право. — 2010. — № 1.
2. Благоев Е. В. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. — М., 2011.
3. Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Чучаев А. И. Новый вид транспортного преступления как модифицированный вариант хорошо забытого старого // Lex Russica. — 2015. — № 4.
4. Додонов В. Н., Капинус О. С., Щерба С. П. Сравнительное уголовное права. Особенная часть. — М., 2010.
5. Иванцова Н., Сосновский А. Безопасность движения: уголовно-правовой аспект // Законность. — 2009. — № 9.
6. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика. — М., 2014.
7. Исаев Н. И. Уголовная ответственность за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. — М., 2011.
8. Колчин М. М. Безопасность железнодорожного транспорта: уголовно-правовые проблемы. — Владимир, 2009.
9. Коробеев А. И. Транспортные преступления: пути и способы совершенствования законодательной конструкции // Правоведение. — 1989. — № 2.
10. Чучаев А. И. Статья 265 УК РФ признана конституционной // Законность. — 2001. — № 9.

Материал поступил в редакцию 10 мая 2018 г.

¹³ См.: Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М., 2014. С. 238—239.

THE DEFINITION OF INTOXICATION IS RECOGNIZED UNCONSTITUTIONAL

KOROBEEV Aleksandr Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far East Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation
akorobeev@rambler.ru
690091, Russia, Vladivostok, ul. Sukhanova, d. 8

CHUCHAEV Aleksandr Ivanovich — Doctor of Law, Professor of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
moksha1@rambler.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article considers the questions of the constitutionality of note 2 to article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, which, at the initiative of the Presidium of the Ivanovo regional court, became the subject of review by the Constitutional Court of the Russian Federation. The court came to the conclusion that the legal definition of intoxication is inconsistent with the Constitution of the Russian Federation, violates a number of principles of the criminal law. The authors show the legal positions of these courts, given scientific findings, prepared by them at the request of appropriate officials. Having studied this particular case, the authors make an attempt to show the state of the Russian criminal legislation, characterized by the violation of its consistency (both internal and external), including the inconsistent penal policy in the field of combating crime in general and traffic crime in particular, poor legislative technique.*

In connection with the recognition of the definition of intoxication articulated in note 2 to article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation unconstitutional, the authors propose a legislative solution, aimed at the establishment and account of this fact both in the Criminal Code of the Russian Federation and law enforcement practice.

Keywords: *criminal law, traffic crime, intoxication, legal definition, note to article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, positions of the Ivanovo court, the unconstitutionality of the note, reason, consistency of legislation, improvement.*

REFERENCES

1. Arzamastsev M. *Sostoyanie opyaneniya kak kvalifitsiruyushchiy priznak dorozhno-transportnogo prestupleniya* [Intoxication as a qualifying symptom of traffic crimes]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2010. No. 1.
2. Blagov E. V. *Prestupleniya protiv obshchestvennoy bezopasnosti i obshchestvennogo poryadka* [Crimes against public security and public order]. Moscow, 2011.
3. Gracheva Yu. V., Korobeev A. I., Chuchaev A. I. *Novyy vid transportnogo prestupleniya kak modifitsirovanny variant khorosho zabytogo starogo* [A new transport crime as a modified version of the well-forgotten old one]. *Lex Russica*. 2015. No. 4.
4. Dodonov V. N., Kapinus O. S., Shcherba S. P. *Sravnitel'noe ugovnoe parvo. Osobennaya chast* [Comparative criminal law. Special part]. M., 2010.
5. Ivantsova N., Sosnovskiy A. *Bezopasnost dvizheniya: ugovno-pravovoy aspekt* [Traffic safety: criminal legal aspect]. *Zakonnost* [Legitimacy]. 2009. No. 9.
6. Ivanchin A. V. *Konstruirovaniye sostava prestupleniya: teoriya i praktika* [Construction of the component elements of a crime: theory and practice]. Moscow, 2014.
7. Isaev N. I. *Ugovnaya otvetstvennost za narusheniye pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv* [Criminal responsibility for violation of traffic rules and operation of vehicles]. Moscow, 2011.
8. Kolchin M. M. *Bezopasnost zheleznodorozhnogo transporta: ugovno-pravovye problemy* [Safety of railway transport: criminal legal problems]. Vladimir, 2009.
9. Korobeev A. I. *Transportnye prestupleniya: puti i sposoby sovershenstvovaniya zakonodatel'noy konstruksii* [Crimes in transport: ways and means of improving legislative structure]. *Pravovedenie* [Jurisprudence]. 1989. No. 2.
10. Chuchaev A. I. *Statya 265 UK RF priznana konstitutsionnoy* [Article 265 of the Criminal Code of the Russian Federation is recognized constitutional]. *Zakonnost* [Legality]. 2001. No. 9.